

УДК 342.31(091)

ББК 67.400.51-1

DOI 10.25724/VAMVD.FCDE

А. Н. Язов

**ПОНЯТИЕ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. — НАЧАЛА XX в.**

Изучение идеи народного суверенитета насчитывает многовековую историю. Кроме всестороннего исследования народного суверенитета на современном этапе в последнее десятилетие наметилась тенденция накопления, систематизации и рефлексии уже имеющихся о нем знаний. По этой причине особенности понимания народного суверенитета представителями российской либеральной правовой мысли второй половины XIX в. — начала XX в. для современной юридической науки актуальны, а их значимость не вызывает сомнений.

В статье раскрываются взгляды отечественных либеральных юристов В. М. Гессена, Ф. Ф. Кокошкина, Б. Н. Чичерина, Н. И. Лазаревского, А. Д. Градовского и Н. М. Коркунова на дискуссионные в российской дореволюционной юридической науке аспекты теории народного суверенитета. Автор, анализируя подходы к пониманию категорий «суверенитет» и «народ» и последовательно наполняя их юридическим содержанием, формулирует понятие народного суверенитета в отечественной либеральной политико-правовой мысли второй половины XIX в. — начала XX в.

Ключевые слова: суверенитет, народ, народный суверенитет, государственная власть.

A. N. Yazov

**CONCEPT OF POPULAR SOVEREIGNTY IN THE DOMESTIC LIBERAL LEGAL THOUGHT
OF THE SECOND HALF OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

The study of the idea of popular sovereignty has a long history. In addition to a comprehensive study of popular sovereignty at the present stage, the last decade has marked a tendency to accumulation, systematization and reflection on available knowledge about it. Due to this reason specific understanding of popular sovereignty by representatives of Russian liberal legal thought of the second half of the 19th - early 20th centuries and their impotence is undoubtful.

The article reveals the views of Russian liberal lawyers: V. M. Hessen, F. F. Kokoshkin, B. N. Chicherin, N. I. Lazarevsky, A. D. Gradovsky and N. M. Korkunov on the aspects of theory discussed in Russian

pre-revolutionary legal science. The author analyzing the approaches to the understanding of the categories of «sovereignty» and «people», consistently fills them with legal content. The use of this methodology allowed us to formulate the concept of popular sovereignty in the domestic liberal political and legal thought of the second half of the 19th — early 20th centuries.

Key words: sovereignty, people, popular sovereignty, government.

Идея народного суверенитета, выдвинутая Ж. Ж. Руссо, на протяжении XIX и XX вв. завоевала устойчивые позиции в профессиональном и обыденном правосознании и посредством реформ и революций заняла центральное место в конституционном праве современных государств. В настоящее время принцип народного суверенитета — один из важнейших принципов Конституции Российской Федерации, теоретическое и правовое основание современного демократического строя. Тем не менее анализ научно-исследовательской литературы, посвященной изучению народного суверенитета, позволяет установить отсутствие единства в трактовке данной политико-правовой категории. В связи с этим представляется необходимым обратиться к идейному наследию либеральных представителей отечественной юридической науки второй половины XIX в. — начала XX в., внесших значительный вклад в научное обоснование российского конституционализма.

Взгляды мыслителей второй половины XIX в. — начала XX в. на народный суверенитет имплицитны, преимущественно вытекают из их подходов к трактовке государства и права и не обладают системностью. По этой причине для формулирования целостного понятия «народный суверенитет» нужно последовательно наполнить юридическим содержанием категории «суверенитет» и «народ».

Изучение работ российских правоведов позволяет констатировать, что с момента введения в научный оборот понятие суверенитета претерпело существенные изменения. Ко второй половине XIX в. суверенитет в юридической науке выступает и в качестве абстрактного понятия, когда

рассматривается сквозь призму свойств государственной власти, и как конкретное понятие, когда мыслится как совокупность ее полномочий. Плюрализм в трактовке понятия суверенитета во многом вытекает из его формального характера, поскольку с конца XVI в. по середину XIX в. он выступает, скорее, политическим лозунгом и орудием борьбы за верховенство между светской и духовной властями, властью монарха, парламента и народа, чем юридической конструкцией.

В большей степени анализ существующих подходов к трактовке понятия «суверенитет» изложен в работах Ф. Ф. Кокошкина и В. М. Гессена. Авторы рассматривают его в нескольких смыслах: во-первых, как свойство, отличающее государство от других негосударственных общественных институтов (церкви, общественных организаций и т. п.) — верховенство; во-вторых, как свойство государственной власти, в силу которого одно государство не может господствовать над властью другого — международная и внутригосударственная независимость; в-третьих, как свойство одного из органов или элементов государства, претендующего на высшую власть — верховенство в государстве; в-четвертых, как синоним государственной власти в смысле совокупности ее полномочий.

В начале XX в. в отечественной либеральной юридической науке наметилась тенденция преодоления подобного плюрализма, сосредоточения внимания на содержательной стороне понятия «суверенитет» и построения его юридической конструкции. Для этого указанные подходы к трактовке понятия суверенитета в дореволюционной юридической науке подвергаются критическому анализу. В первую очередь признается неактуальным

средневековое понимание суверенитета как свойства государственной власти, отличающего ее от других публично-правовых властей (церковной, императорской, феодальной). Ученые находят аргументы в этимологии слова «суверенитет» и политико-правовой реальности рубежа XIX—XX вв. [1, с. 203—204]; [2, 44—46]; [3, с. 27—30]. Суверенитет происходит от латинского слова *supraneitas*, которое переводится как высший. Употребление прилагательного в превосходной степени сравнения предполагает, что какой-то признак у одного объекта проявляется в наибольшей степени, чем у других. Именно в этом смысле Ж. Боден, определяя понятие государства, употребляет словосочетание «*puissance souveraine*» [4], что дословно переводится как верховная власть. С точки зрения Ж. Бодена, пишет Б. Н. Чичерин, нет такой общественной власти, которая бы стояла над государственной [5, с. 424—442.]. Поскольку в эпоху Нового времени, как отмечает В. М. Гессен, государство осуществило монополизацию публичной власти [2, с. 48], средневековая трактовка суверенитета теряет смысл, в связи с тем что не придает государственной власти дополнительных характеристик.

С другой точки зрения суверенитет отождествляется с государственной властью и представляет собой совокупность законодательных, исполнительных и судебных полномочий государственной власти [2, с. 52—53, 55—56]; [1, с. 199]. Из этого видения суверенитета вытекает синонимичное понимание государственной и верховной власти, которое обусловлено, как отмечает В. М. Гессен, особенностями терминологии и языковой принадлежности ученых — сторонников данного подхода. В частности, для французской и английской литературы такое словопотребление является неизбежным, поскольку в этих языках отсутствует специальный термин для обозначения государственной власти, и наоборот, германский правовед Г. Рем, используя понятие «суверенитет», по смыслу совпадающее с содержанием государственной власти, допускает ошибку, так как в немецком языке для обозначения

последней имеется специальный термин «*Staatsgewalt*» [2, с. 49—52].

Термин «суверенитет» в юридической науке рубежа XIX—XX вв. тоже употребляется в международно-правовом контексте и трактуется как верховенство государственной власти в пределах собственной территории [2, с. 50]. В данном случае под суверенитетом понимается свойство государственной власти — независимость во внутренней и внешней политике. Первоначально он получает подобный смысл после заключения Вестфальского мира, целями которого выступали прекращение междоусобных войн за троны в Европе и построение системы взаимоотношений королей-суверенов. Позднее персонифицированный суверен был заменен абстрактным государством, а трактовка суверенитета в качестве признака независимости государственной власти во внутренних и внешних делах сохранила актуальность до настоящего времени.

В соответствии с последним подходом суверенитет — это свойство одного из органов государства, которому принадлежит высшая власть — верховенство в государстве. Так, для Ж. Бодена им является монарх, для У. Блэкстона — английский парламент, для Ж. Ж. Руссо — народное собрание. Теории названных правоведов, отмечает Ф. Ф. Кокошкин, развиваются в рамках учения об абсолютной государственной власти и направлены, во-первых, на обоснование определенной формы правления, и во-вторых, на поддержку той или иной власти в борьбе с другими государственными элементами [1, с. 197]. Учение о суверенитете в контексте подобных рассуждений получает развитие в границах двух противопоставляемых друг другу политических доктрин: монархической (суверенитет монарха) и демократической (суверенитет народа). Однако в обеих суверенитет употребляется в смысле высшего юридического положения одного государственного органа относительно других и выражается, по В. М. Гессену, в его безответственности и, по Ф. Ф. Кокошкину, в неограниченности как атрибутах абсолютной власти органа-суверена.

Таким образом, для правоведов либерального направления отечественной юриспруденции начала XX в. характерно двоякое понимание термина «суверенитет». Во-первых, в рамках межгосударственных отношений суверенитет толкуется как независимость государственной власти во внутренних и внешних делах. Во-вторых, при рассмотрении вопроса об организации государственной власти под ним понимается верховенство власти, принадлежащей одному из органов государства. Применительно к идее народного суверенитета он трактуется как свойство органа государственной власти, содержание полномочий которого составляет определение основ государственного устройства и общих правил поведения для всех граждан и лиц, находящихся под юрисдикцией государства.

Далее следует определить, каким содержанием в отечественной либеральной юридической науке наполняется термин «народ». В литературе рубежа XIX—XX вв. понятие «народ» рассматривается с этнографической и юридической сторон. С первой точки зрения, на что обращают внимание Б. Н. Чичерин и В. М. Гессен, народ отождествляется с народностью, нацией и понимается как собрание лиц, связанных общим происхождением и духовной жизнью. Следует согласиться с Б. Н. Чичериным, что подобное толкование не относится ни к идее народного суверенитета, ни к проблеме субъекта верховной власти в государстве [6, с. 57—58]. Деление всей территории планеты на государства имеет юридический характер, а все человечество, соответственно, составляют народы, поскольку народ является неотъемлемым элементом юридической конструкции государства. Кроме того, человечество делится на множество родственных групп — наций, границы которых, как правило, не совпадают с государственными. Это объясняется тем, что основополагающим началом нации выступает внутренний, субъективный, психологический фактор — национальное сознание, выражающееся в чувствах национального родства и национальной обособленности. Нация и народ тождественны исключительно в случае мононациональных государств.

Гораздо чаще отдельная нация наряду с другой может составлять единое государство, входить в состав нескольких государств или не быть устроена в государственный союз вообще. Аналогичной позиции придерживался В. М. Гессен. Он считает, что нация не может быть сувереном в государстве [2, с. 90—102].

Для определения понятия народного суверенитета имеет значение установление юридического содержания категории «народ». В отечественном государствоведении по данному вопросу были сформулированы две позиции. Сторонники первой, к которым можно отнести Н. М. Коркунова и Н. И. Лазаревского, рассматривали государство сквозь призму правоотношения и считали, что под народом следует понимать всю совокупность граждан государства, т. е. его население, за исключением иностранцев [7, с. 107]; [8, с. 48]. В соответствии с этим взглядом субъектом государственного правоотношения выступает народонаселение государства, объектом является государственная власть, а его содержание составляют право участия во власти и обязанность повиновения государственному принуждению. В таком смысле народ понимается как единое юридическое целое, тождественное государству.

Согласно второму подходу, который разрабатывали Б. Н. Чичерин, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, государство рассматривается как юридическое лицо, а под народом понимается совокупность политически право- и дееспособных граждан. В этом смысле народ представляется в качестве части государства, его органа, роль которого заключается в определении принципов формирования государственного управления и непосредственном участии в законодательной деятельности.

Таким образом, народ как суверен в либеральной правовой науке понимался в широком смысле как сумма всех граждан государства и узком — как соединение политически активных граждан. По этому поводу вызывают интерес рассуждения Ф. Ф. Кокошкина. Он, рассматривая обе точки

зрения на определение термина «народ», приходит к двум выводам. Первый, по существу, констатирует тождественность теории народного и государственного суверенитета. Ф. Ф. Кокошкин указывает, что народ, понимаемый в смысле организованной в государство совокупности всех граждан, не может выступать отдельным от государства субъектом права. Единственная форма организации народа, понимаемого в указанном смысле, это государство. Если мысленно представить народ вне государственной организации, он будет выступать социальным явлением, массой людей, объединенных сознательной и бессознательной коллективной психической жизнью, но находящейся вне правового поля и не являющейся юридическим лицом, способным осуществлять полномочия верховной власти. Второй вывод Ф. Ф. Кокошкина заключается в ошибочности представления о суверенитете как о верховной власти, субъектом которой является народ — совокупность правосубъектных, политически активных граждан. Эта мысль во многом обусловлена господствующим в юридической науке того времени отождествлением государственной и верховной властей. Исходя из понимания государства как юридического лица, которому принадлежит государственная власть, Ф. Ф. Кокошкин обосновывает следующий тезис: субъектом суверенитета является не народ, а государство. Народ не имеет собственных власти и права, отличных от права и власти государства. Реализуя имеющиеся полномочия, например, формируя посредством выборов представительные органы или непосредственно участвуя в законодательстве, народ действует не в своих интересах, а во благо всех граждан, т. е. в интересах всего государства [1, с. 201—202]. Безусловного внимания здесь заслуживает позиция Б. Н. Чичерина. Ученый считает, что теория, претендуя на истинность, должна объяснять все существующие в данной области явления. В противном случае она либо недостаточна, либо одностороння, что прослеживается в теории народного суверенитета. Признавая за народом верховную власть, пишет правовед, эта теория лишает народ права установить в

государстве ту форму правления, которая ему пригодна.

Для преодоления противоречий Б. Н. Чичерин предлагает следующую модель. Субъект верховной власти может быть идеальным и реальным. Верховная власть принадлежит государству как идеальному субъекту, естественно не имеющему собственной воли и не способному самостоятельно действовать. Государство должно быть представляемо физическим лицом — реальным субъектом верховной власти. Государство как юридическое лицо состоит из физических лиц — граждан государства, которые выступают реальным субъектом верховной власти. Различием реальных субъектов верховной власти определяется многообразие форм правления. Соответственно, если реальным субъектом верховной власти выступает народ, то форма правления государства — республика.

Б. Н. Чичерин отмечает, что республики также неоднородны, поскольку власть в них может быть основана на двух началах: свободы или способности. В первом случае субъектом верховной власти является совокупность свободных граждан (демократия), во втором — избранная часть способнейших граждан (аристократия).

Свободный народ представляет неустроенную массу граждан и для его собирания воедино необходимо искусственное устройство управления. Юридическое устройство верховной власти подразумевает либо непосредственное участие народа в правлении посредством народных собраний, либо через представителей. Первая форма составляет, как указывает Б. Н. Чичерин, остаток старины, вторая — существо современных демократических республик. Правовед обращает внимание на следующие отличительные особенности представительной формы правления: они осуществляют правление по собственной воле; отсутствует их подотчетность и ответственность перед лицами, которых они представляют, либо отчет не имеет юридического характера; действуют не только в интересах избравших их лиц, но и всего

народа. В соответствии с этой моделью народ является непосредственным реальным субъектом верховной власти, ее источником. Переносным реальным субъектом верховной власти выступают народные представители, которые облечены ею не по собственному праву и на временной основе. Отступлением от представительного начала в современных демократических республиках можно считать референдум как приближение к непосредственной демократии [6, с. 147—154.].

В целом следует отметить, что накопленный многовековой материал по вопросу понятия народного суверенитета в отечественной литературе получает критическую оценку вплоть до обоснования ошибочности этой теории. Данная идея трактуется как противопоставление теории суверенитета монарха, поэтому она не лишена всех недостатков учений, обосновывающих наличие абсолютной власти какого-либо органа в государстве.

Таким образом, народный суверенитет в либеральной юридической науке второй половины XIX в. — начала XX в. понимается как свойство власти, принадлежащей совокупности правосубъектных, политически активных граждан, выступающих в качестве органа государства и действующих в интересах его населения, в силу которого народ составляет определение основ государственного устройства и общих правил поведения для всех граждан и лиц, находящихся под юрисдикцией государства. Власть народа является высшей по отношению к власти других, подчиненных ему органов.

1. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912.

2. Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб., 1912.

3. Градовский А. Д. Общее государственное право. СПб., 1885.

4. Bodin J. Les Six Livres de la République. Paris. 1576 // La bibliotheque libre Wikisource. URL: <https://fr.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 21.10.2018).

5. Чичерин Б. Н. История политических учений: в 5 ч. Ч. 1 Древность и Средние века. М., 1869—1902 гг.

6. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 ч. М., 1896. Ч. 2.

7. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. Петроград, 1917.

8. Коркунов Н. М. Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1908. Т. 1.

© Язов А. Н., 2018

1. Kokoshkin F. F. Lectures on general state law. Moscow, 1912.

2. Hessen V. M. The general doctrine of the state. Saint-Petersburg, 1912.

3. Gradovsky A. D. General state law. Saint-Petersburg, 1885.

4. Bodin J. Les Six Livres de la République. Paris. 1576 // La bibliotheque libre Wikisource. URL: <https://fr.wikisource.org/wiki> (reference date: 21/10/2018).

5. Chicherin B. N. History of political doctrines: in 5 parts. Part 1. Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 1869—1902.

6. Chicherin B. N. The course of state science: in 3 parts. Moscow, 1896. Part. 2.

7. Lazarevsky N. I. Russian state law. Part 1. Constitutional law. Petrograd, 1917.

8. Korkunov N. M. Russian state law: in 2 volumes. Saint-Petersburg, 1908. Vol. 1.

© Yazov A. N., 2018